

1997. № 1; Иванова Н. Счастливым дар Валентина Катаева // Знамя. 1999. № 11; Сула В. «Мовизм» Валентина Катаева в контексте термина «постмодернизм» // Русский постмодернизм. Ставрополь. 1999; Карлов В. Жили-были писатели в Переделкино...: Очень личные воспоминания. М., 2002. Котова М., Лекманов О. Плешивый щеголь: Из реального комментария к памфлетному роману «Алмазный мой венец» В. Катаева // Вопр. лит-ры. 2004. Март-апр.

А. И. Павловский

КАТАЕВ Иван Иванович [14(27).5.1902, Москва — расстр. 19.8.1937, Москва] — прозаик

Родился в семье преподавателя истории, рано лишился матери. Детство прошло в Москве и Суздале. От отца узнал многое из русской истории. События 1917 отвечали свободолобивым настроениям К., он участвовал в распространении революционных воззваний, вступил в Красную Армию. В 1919 стал членом партии большевиков. С 8-й армией прошел всю центральную Россию; в Воронеже перенес сыпной тиф; в 1920–21 находился на военной службе в г. Грозном; получил назначение в политотдел армии; работал в редакции армейской газ. Здесь появились первые стихотворные и публицистические опыты. В армии писал инсценировки на политические темы («**Хождение по верам**» и др.), читал лекции по русской лит-ре. После преобразования 8-й армии в Кавказскую трудовую армию был назначен редактором газ. «Красный труд» (впоследствии — «Нефтерабочий», «Грозненский рабочий»). Обладал незаурядным талантом чтеца; был назначен начальником клубного отдела армии.

В 1922 К. принимает участие в работе Всероссийского съезда журналистов. После демобилизации из армии несколько месяцев работал в «Тамбовской правде», где в 1922 были напечатаны стих. «**Кузница мысли**», «**Улице**», «**Города**», а также несколько статей.

Осенью 1922 К. поступает в МГУ, но не на филол., а на ф-т общественных наук. К. становится экономистом. В это время сотрудничает в «Экономической газ.», по заданию редакции посещает Иваново-Вознесенск, Грозный и др. города; публикует очерки по экономическим вопросам.

Находясь в армии, вступает в лит. объединение «Кузница»; но вскоре уходит из этого объединения — в знак протеста против догматических установок «Кузницы». К. продолжает заниматься активной журналистской работой; в 1925 становится ответственным секретарем ж. «Город и деревня».

И. И. Катаев

В 1927 был написан рассказ «**Жена**», в 1928 выходят первые повести — «**Поэт**» и «**Сердце**», в которых лирическая пронизательность предстала важнейшей чертой писательского таланта К.

В повести «Сердце» вчерашний участник революционных сражений все силы отдает тому, чтобы организовать торговлю в городе и тем самым помочь людям жить лучше, обрести некоторое благоденствие. Но изношенное в боях сердце не выдерживает нагрузок, и герой умирает. Простая по сюжету повесть тем не менее обратила на себя внимание — тонким лиризмом, интонацией доброты, авторским сочувствием к герою. В одном из своих интервью 1920-х А. В. Луначарский отмечал, что повесть «Сердце» произвела на него «большое впечатление своей задушевностью, сливающейся с исключительным искусством рассказывать» (Лит. газ. 1963. 26 дек.).

В 1929 (один из самых щедрых периодов работы художника) К. пишет повести и рассказы «**Молоко**», «**Автобус**», «**Великий Глетчер**» и др. Большинство произведений этого времени насыщено взволнованным жизнелюбием, оптимизмом. В начале 1929 К. пишет статью «**Об искусстве и грядущем человеке**» (не опубл., отрывки из нее К. использовал в статье «**Искусство на пороге социализма**» // Октябрь. 1933. № 6), в которой, вопреки догматически обязательным для тех лет установкам о классовой борьбе, писал о том, что искусство должно отвечать на вопросы: с чем новое поколение войдет в жизнь? Будет ли человек «счаст-

лив, весел, способен к волнению, энтузиазму, внутреннему страданию, обогащающему душу?.. Сохранит ли он богатство и тонкость души, способность откликаться... на мельчайшие прикосновения мира?..». В этой статье была развернута и программа собственного творчества писателя. К. мучился тем, чтобы жестокосердие не воцарялось в душах современников: нельзя «губить человека, даже и скверного, только потому, что... нам от него неловко. Надо попробовать его утихомирить» («Сердце»). К. не представлял себе жизни (как и жизни своих героев) без «обогащающего душу» волнения: «Как же так, без одиночества, без сладчайшей тоски непричастности, без блужданий по сырому весеннему полю...» («Сердце»). Произведения К. были насыщены множеством психологических нюансировок, лирических отступлений, внутренних монологов. Все это демонстрировало «мельчайшие прикосновения мира» к человеку. К. высвечивал в своих рассказах яркие краски земной жизни. В рассказе «Праздник», например, картина обеда, завершающего Первомайский субботник на одном из южных нефтепромыслов, предстает как богатейшая россыпь земных даров.

О самом К. современники говорили: «Это был язычник, радостный, полный жизни человек, с такой чудесной приветливой улыбкой!» (Воспоминания об Иване Катаеве. С. 289).

В 1926–32 К. был одним из руководителей лит. объединения «Перевал», отстаивавшего «непосредственные впечатления», «искренность» и интуитивизм как основу худож. творчества. Хотя повесть «Сердце» рассматривалась в качестве программной вещи этого объединения, творческие искания К. были шире платформы «Перевала», они развивали независимые и самостоятельные эстетические воззрения писателя. Что же касается участия в «Перевале», то К. (как и М. Пришвин, Н. Зарудин и др.) искал здесь возможность противостоять вульгарно-социологическим установкам тех лет. Отстаивая свое право на независимость художественных исканий, в статье «Искусство на пороге социализма» (1933) К. выступал против «какого бы то ни было стандарта» в «социалистических характерах и отношениях».

Позиция К. открыто противостояла рапповским требованиям, и естественно, что со стороны РАППа были организованы на него нападки. Полемика сосредоточилась на повести «Молоко» (1930). К. упрекали в кулацкой идеологии, с одной стороны, и в христианском всепрощении, абстрактном гуманизме — с другой. В повести рассказчик-журна-

лист излагает свои впечатления от встречи в одной из подмосковных артелей со стариком Ниловым, который вел молочное дело в своем хуторском хозяйстве с редким воодушевлением. Рассказчик был восхищен деловитостью Нилова, а еще больше — его «мифологической», его поэтической думой о молоке, которая звучала как «прекрасный манифест» о чудесном даре природы — «текущее, ласковое естество». Но на общем собрании артели молокозаводчиков Нилов не только не получает поддержки, а наоборот, рассказчик стал свидетелем жесточайшей обструкции Нилову со стороны артельщиков (вплоть до драки). При всем том, что за вязью то поэтических, то выпретенных рассуждений Нилова о молоке К. ненавязчиво развертывал экономическую подоплеку происходящих событий, все же главное внимание писателя было устремлено к «мельчайшим прикосновениям мира», к человеку: «Боже ты мой! Как еще все смутно, растерто и слитно вокруг!.. все течет, переливается, плещет, и тонут в этом жадном потоке отдельные судьбы, заслуги и вины, и влачит их поток в неизвестную даль... Не в этом ли вечном течении победа жизни? Должно быть, так. А все-таки страшновато и зябко на душе...» («Хлеб и мысль». С. 56). В этом «страшновато и зябко» проявлялось отношение художника к классовому ожесточению в деревне. Подобный взгляд на крестьянскую жизнь в «год великого перелома» не мог не вызвать неприятия к себе отношения со стороны властей.

После создания повести «Молоко» К. едет на Кубань — в этой поездке рождается книга очерков о коллективизации «Движение» (1932). К. принимал коллективизацию и был очень внимательным к различным поворотам человеческих судеб в этом движении. Но особенность взгляда К. состояла в том, что он стремился увидеть происходящее в деревне как событие природы, как мгновение мироздания; в повествовании постоянно появлялись философские ноты. Даже движение рабочих-двадцатипяти тысячников, посланных к земле для проведения коллективизации, К. рисует как неожиданную метафору: «Вперые река побежала вспять. Совершается как бы историческая расплата, акт благодарности и сыновнего почтения. Дряхлая земля, кое-как вскормившая человечество, получает новые, свежие силы для своего возрождения. Класс, вышедший из разоренного и прижатого нуждою строя земледельцев, возвращает в свою отчизну тысячи работников...» Да и финал книги «Движение», насыщенной не только философскими, но и глубокими

экономическими размышлениями автора, завершается вселенской нотой: «...скаты, ложбины, низины, холмы, увалы — все тот же неровный, беспокойный, мятежный лик земли» («Хлеб и мысль». С. 129, 202).

В 1932–33 К. пишет повесть **«Встреча»**, рассказы **«Ленинградское шоссе»** и др. После поездки на Кубань вместе со своим ближайшим другом писателем Н. Зарудиным К. побывал на Алтае, в Грозном, в Армении, в Хибинах. Он принимает участие в создании «Лит. газ.», где и появлялись его очерки и рассказы второй половины 1930-х. К. сближается с горьковским ж. «Наши достижения»; на I Всесоюзном съезде писателей К. был избран членом правления Союза. В это время выходит его сб. **«Человек на горе»** (1934), объединивший очерки о нефтепромыслах Грозного, об апатитовых разрабатках Хибин и др. В 1935 выходит сб. **«Отечество»**, о котором критика писала: «Это — торжественная настроенность мысли и слова... Это — величавая целостность жизни, ощущенная со сдержанно взволнованной силой» (Октябрь. 1935. № 12. С. 227). Очерк «Отечество», давший название всей книге, посвящен размышлениям автора о судьбе озера Севан и о людях, живущих на его берегах. Своей глубокой думой о «малой» и «большой» родине очерк «Отечество» перекликается с появившейся спустя десятилетия прозой В. Распутина, В. Белова, В. Астафьева. В 1936 К. пишет статью **«Искусство социалистического народа»**, в которой поставил не потерявшие значения и до сих пор вопросы о национальном своеобразии лит-ры, о прогрессе в искусстве и др. В 1937 вместе с Н. Зарудиным К. отправляется на Горный Алтай, откуда привозит свое последнее, оставшееся неоконченным произведение, — повесть **«Под чистыми звездами»** (опубл. в 1956). Человек предстал в этой книге как творение мировой жизни, как «главное средоточие ее древней сдержанной силы»; тема самопознания, духовного возмужания — главная в повести. К. был необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Соч.: Избранное / вступ. статья В. Гоффеншефера. М., 1957; Под чистыми звездами / вступ. статья Е. Стариковой. М., 1969; Сердце / послесл. Е. Стариковой. М., 1980; Хлеб и мысль. Л., 1983; Сердце. М., 1989.

Лит.: Евгенов С. В. Жизнь на миру: Очерки-воспоминания о воителях и мечтателях, о газетчиках и поэтах. М., 1967. С. 87–105; Фонская С. И. Дом в Голицыне: Рассказы о писателях. М., 1967. С. 49–52; Воспоминания об Иване Катаеве. М., 1970; Грознова Н. А. Иван Катаев — прозаик и публицист // Катаев И. Хлеб и мысль. Л., 1983. С. 345–364; Белая Г. А. Дон Кихоты

20-х годов: «Перевал» и судьба его идей. М., 1989; Чернега Т. А. Иван Катаев: Творческая индивидуальность писателя и лит. процесс 20–30-х годов: Автореферат дис. СПб., 1992.

Н. А. Грознова

КЕДРИН Дмитрий Борисович [4(17).2.1907, Богодуховский рудник, ныне пос. Щегловка, Донбасс — 18.9.1945, близ с. Тарасовка Московской обл.] — поэт, журналист, переводчик.

Общеизвестные сведения о месте рождения К. историками лит-ры обычно берутся из автобиографии писателя, написанной им в 1943 перед отъездом на фронт. Однако существует версия, что К. — незаконнорожденный (см. Тартаковский П. И. — С. 5–8). Дед К. — разорившийся помещик — слыл человеком крутого нрава. Бабушка, опасаясь скандала, отправила беременную младшую дочь Ольгу в далекую молдавскую деревушку, где К. родился и провел в бедной крестьянской семье первые 7 лет своей жизни. Через несколько месяцев после появления мальчика на свет удалось уговорить мужа старшей сестры окрестить и усыновить ребенка под именем дворянина Дмитрия Борисовича Кедрина (однако в семью его не взя-

Д. Б. Кедрин